

ЛЕЛЯВИНА АЛЁНА

ПЛАЧУЩИЙ МАЛЬЧИК

Алена Леявина

Плачущий мальчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70499173

SelfPub; 2024

Аннотация

История о проклятой картине руки Бруно Амадио. Нью-Йоркский миллионер приобретает таинственную картину, но не верит в ее зловещую судьбу. Вскоре в семье миллионера начинают происходить загадочные вещи, что до последнего не может разрушить его веру в реальность. Однако, что делать, если ситуация перерастает в опасную череду событий, и на краю жизни и смерти оказывается и он сам и члены его семьи?

Алена Лелявина

Плачущий мальчик

1

Огонь.

Огонь вокруг.

Облизывает стены, пожирает дубовую мебель, рвет тончайшие шелковые занавески, бешено пляшет на персидском ковре. Он, несдерживаемый никем, словно зверь, сорвавшийся с цепи, неистовствует в богатом убранстве многочисленных комнат. Нет ничего священного для этого алого демона, все будет поглощено и помято огнем. Посреди гостиной лежит мужчина, придавленный к полу обгоревшей потолочной балкой. Его глаза прикованы к картине, прислоненной к стене рядом с ним. С нее на мужчину устремлен тяжелый, наполненный злобой взгляд плачущего мальчика. Глаза на картине ненавистно сверлят человека на полу, лицо словно бы возвышается над ним зловещим, неукротимым демоном, и кажется, что мальчик живой и от этой чистой злобы, темными щупальцами струящейся из его глаз, воспаляются бетонные стены. Огня становится больше, языки пламени окутывают картину и мужчину на полу, обступая их непроницаемым кольцом. Мужчина слышит далекий детский плач, эхом отскакивающий от стен, сливающийся в дуэт с ревушем в помещении пламенем и замирающий красными

искрами в нарисованных, детских глазах.

Сознание человека на полу тускнеет, но как только огонь начинает поглощать его тело, он душераздирающе кричит, вкладывая остатки сил в этот последний, отчаянный вопль. В постепенно увядающей реальности, он пытается взглядом зацепиться за окружающие его предметы, тем самым остаться здесь, в бытие, но их застигает огонь, уничтожая эту возможность. Невыносимая боль пробует на зуб его ноги, руки и вскоре все, что было когда-то его домом, его жизнью, им самим превращается только в алое зарево, бушующее перед глазами. Мир взрывается белыми брызгами, осколки которого вонзаются в мозг, и он падает в вечную темноту, из которой нет возврата.

Снаружи, вокруг объятых пламенем особняка, собираются толпы зевак. Периодически людей разгоняют, толпу, то здесь, то там, разрезают бегущие пожарники с раскатываемыми рукавами, сотрудники скорой помощи и местной полиции. Машины со спец техникой все прибывают, пожарные бригады с баграми и высокими лестницами несутся к особняку, врываясь в дом. Снаружи с нескольких сторон, из пожарных шлангов, на дом подаются мощные потоки воды, но уже ничего нельзя сделать. Слишком сильный огонь, слишком сильный жар, человек внутри уже мертв и тело его горит, пламя не пустит спасателей в дом, пока не поглотит плоть и душу его. Плоть и душу.

В белом зале с высокими сводчатыми потолками слышаться шепотки и легкий шорох ног. Роберт Стэнхоппер неспешно обходит представленные работы, но ни одна не задерживает на себе его цепкий взгляд дольше пяти секунд. Выставка авангардистов – это не совсем то, чему он хотел бы посвящать свой свободный вечер, но он приехал сюда по совету своего искусствоведа, а вкусовые пристрастия Роберта тот знал прекрасно. Нельзя сказать, что для Роберта представленные картины – детская мазня, он разбирается в различных направлениях живописи, и умеет отличать барокко от рококо, в его коллекции есть несколько полотен Шагала и Кандинского, однако его сияющая звезда это классицизм и ничто не сможет заменить ему Пуссена и Брюлова поражающих своей невыносимой реалистичностью и изяществом линий и теней. Порой, для снятия стресса, Роберт сам берет в руки кисть и совсем нельзя сказать, что его работы дилетантские.

В процессе этого неспешного перемещения, к нему подходит его искусствовед и старый школьный товарищ – Марк Рувазье. В прошлом художник любитель в стиле «пастораль», его картины с пасущимися козочками и белокожими молочницами несколько раз присутствовали на выставках в Новой Галерее в Нью-Йорке. Он закончил Венский университет музыки и исполнительского искусства, однако нуждаясь больше в деньгах, чем в посмертной славе, которая и так

была под вопросом, Марк выбрал путь искусствоведа и арт-консультанта, в чем добился известности и солидного состояния. Мир живописи безжалостен, ты можешь всю жизнь идти к призрачному богатству, мечтать о баснословных гонорарах и выставках в Нью-Йорке и Лондоне, но решающим в данной войне станет не твой талант, а финансы и покровители. Чаще всего, помимо таланта, ты должен грамотно делить с кем-то свою постель, вне зависимости от гендерной принадлежности, покоришь мецената – получишь признание своих картин. Ничего личного, всего лишь бизнес. Марк принял, как ему казалось, правильное решение, переместившись в лагерь тех, кто покупает, а не тех, кто продает. Он работал арт-консультантом Роберта вот уже 12 лет, с его помощью коллекция Роберта значительно расширилась и приобрела несколько жемчужин – полотен, на которые заглядывается добрая половина известных богачей Нью-Йорка. Судьба свела их случайно, Роберт искал искусствоведа, и обратился к Марку по рекомендации коллеги, и только, когда Марк вошел в ресторан, где была назначена встреча, Роберт понял, что это был Марк Питчелл, его друг, с которым они вместе учились в сто восемьдесят первой Бруклинской школе на Нью-Йорк авеню.

Это был тот самый пацан и с которым они лапали девчонку на кладбище Холли Кросс, в двух кварталах от места их учебы. В тот вечер первой встречи, спустя двадцать лет после окончания школы они проболтали пять часов, и вспомнили

много всего: пьяные, накуренные тусовки в маленькой квартирке их одноклассника на Беверли роуд, и отвратительная пицца в заведении «У Дэна», которую они с удовольствием поглощали, используя все свои карманные деньги, и как оба попеременно дружили с одной девчонкой Мэри Мардж, являвшейся редкостной шлюшкой, но в их семнадцать это все, что требовалось от женщины в те времена. Они перебирали детские воспоминания, словно перелистывали старый альбом с черно-белыми фотографиями и под влиянием этой нафталиновой ностальгии, усиленной двумя бутылками Макаллан, клялись друг другу в верной дружбе.

Естественно, Марк работал под псевдонимом, потому что от «Рувазье» пахло круассанами и плюшевой глицинией на Марсовом поле, а от «Питчелла» дешевой пищей и прогорклым маслом от картошки фри. К тому же к французам в искусстве всегда было больше доверия. Даже если этот самый француз перемешивал дерьмо на птицеводческой ферме, всем казалось, что он вот-вот отставит в сторону лопату и начнет декламировать Бельмонта, а публика даже не обратит внимание на его штаны, по колено заляпаные куриным дерьмом.

– Привет, дружище. Как подборка? – он жмет руку Роберту и скучаяще окидывает взглядом ряды картин.

– Без Боччони – ни о чем, рассчитывал увидеть его здесь. – вздыхает Роберт.

– О чем ты, это же выставка художников средней руки, на

маэстро организаторы и не претендовали. Впрочем, один из членов команды кураторов, Моник, сейчас здесь и, знаешь, ей удалось меня удивить.

Роберт очень сдержанно смеется, направляя лицо в потолок, его смех ударяется о балки перекрытий и долго резонирует в пространстве.

– Надеюсь не тем, чем она удивляла тебя в своей микроскопической квартирке на Манхэттене?

Марк расхохотался.

– Это не идет ни в какое сравнение с животным сексом, если, конечно, ты на это намекаешь. – мужчина выдержал театральную паузу. – но я не об этом. Знаком ли тебе художник Джованни Браголина?

– Марк, ты меня позвал сюда рассказывать о детских сказках? – Улыбка слетела с лица Роберта, а глаза остро заблестели.

– Ну почему сразу о сказках? Джованни Браголина вполне себе реальный художник, конечно, большинство картин, которые ему приписывают совсем не принадлежат его кисти, но, – Марк наклоняется ближе к лицу Роберта – ты мог слышать о самой известной его картине, не так ли?

– Плачущий мальчик? Конечно, но это все легенда и к реальным картинам не имеет никакого отношения. – отрезал Роберт

– Пойдем. – Марк резко разворачивается и быстрым шагом идет к двери, расположенной в глубине основного вы-

ставочного зала.

Они проходят внутрь и глохнут. Здесь, в кулуарах музея, куда не доносятся ни голоса, ни смех, ни звон фужеров, царит какая-то многозначительная, даже мистическая тишина. Перед ними – узкий коридор, освященный белыми флуоресцентными лампами настолько сильно, что чем-то напоминает хирургическое отделение в больнице. В этой белизне они идут друг за другом, стук обуви, сплетаясь в шорох и гул, отскакивает от стен и вальсирует дальше, элегантно затухая в конце коридора. Марк останавливается у двери с цифрой семнадцать и молча открывает ее перед Робертом, маня рукой, приглашая войти. Эта комната освящена меньше, чем коридор, глаза, ослепленные яркостью, еще какое-то время не могут привыкнуть к приглушенному свету и, продолжают ловить световые пятна, отпечатавшиеся на сетчатке глаз. В центре помещения стоит мольберт, скрытый белой материей, возле мольберта, на длинной треноге возвышается лампа, пятно света направлено на картину, скрытую тканью на мольберте. Роберт почувствовал непонятное волнение, кончики пальцев закололи холодные иголочки, сердце сладострастно заелозило в груди. словно бы перед ним не мольберт, а та самая Мэри Мардж, в короткой юбчонке, не способной скрыть от глаз девичьи гладкие ножки, и так хочется заглянуть дальше, нужно только приподнять краешек ее подола, но... Картина скрыта палантином.

Вдруг комната начинает как-то странно плыть, ее сте-

ны изгибаются и растягиваются вместе с белым пятном посередине. Роберт тряхнул головой, попытавшись сбросить некстати напавшую дурноту, но его разум опутывает мутная, вязкая пелена какая случается в раннее пробуждение после двух или трехчасового беспокойного сна.

За спиной открывается дверь, громко стучат каблуки, женщина приближается и встает у холста. Роберт будто околдованный, не может отвести взгляд от белого полотна, закрывающего холст. Гул в голове прерывается женским голосом:

– Джентльмены, добрый вечер.

– Здравствуй Моник. – Марк элегантно целует ее изящную ручку, не обращая внимания на Роберта, находящегося в каком-то кататоническом оцепенении. – Знакомься – Роберт Стэнхоппер. Очарован классицизмом и богоподобными женщинами Россетти, я рассказал ему о твоей находке, и он жаждет взглянуть на нее своими глазами – Марк засмеялся, гулко и непривычно в замершей тишине. От этого смеха Роберт вздрагивает и наконец приходит в себя, его руки мелко дрожат, когда он пожимает тонкую кисть Моник, она словно бы делает вид, что не замечает этого. Ее горячие пальцы обжигают его ладонь.

– Роберт, это Моник, я тебе о ней рассказывал, настоящая Агата Кристи мира искусства. Она занимается поиском и оценкой шедевров. Помнишь историю с найденной картиной Климта в музее Пьяченца? Так вот, это она ее нашла,

имя женщины, указанное в сводках новостей конечно же вымышленное – Марк инстинктивно понижает голос и наклоняется к Роберту поближе.

– Мистер Стэнхоппер, готовы взглянуть на что-то поистине захватывающее? – Моник чарующе, покачивает бедрами, соблазнительно утянутыми черной юбкой-карандашом. Не дожидаясь ответа, она аккуратно щипывает материю пальцами по краям картины и приподнимает ее. Роберт перестает дышать, все происходит словно в воде, тягуче и медленно.

«Господи, что со мной происходит?!» – думает он в отчаянии. – «я что, отравился?!»

Ткань с легким шелестом падает на пол, галогеновая лампа освещает чумазое лицо мальчика, тяжелый взгляд которого будто бы наполняет комнату почти физически ощутимым присутствием.

– Боже, – вырывается у Роберта, его коленки подгибаются, и он практически падает на пол, но Марк быстро подхватывает его. – это действительно он! Это плачущий мальчик! Но как, как это возможно? Это же легенда, миф! – Роберт, покачиваясь подходит ближе к холсту. Оглядев картину, мазки краски, посмотрев на задник, он убеждается, что это оригинал, только если копия не сделана так великолепно, что может его обмануть.

– Это – оригинал, мистер Стэнхоппер – он слышит голос женщины, на мгновения забывая, как ее зовут. – Мы прове-

ли несколько экспертиз: рентгенограммы, спектрометры, все как положено. По химико-технологическому анализу красок и материала холста дата их производства – середина 20го века, место – Италия, только в этой стране в краску добавляли небольшое количество орехового масла вплоть до 1965 г., интересно так же дерево, которое использовано для подрамника – высокогорный дуб. Как известно дубы в Италии преобладают в северной части страны, практически в предгорной области Альп. Большая часть их использовалась на сваях в Венеции, отсюда, а также учитывая, многие другие факты, которыми я не буду грузить вашу голову, мы можем сделать вывод, что место, где была написана эта картина – Венеция, середина двадцатого века. Ну и финальное и одно из самых важных фактов – обратите внимание на нижнюю правую часть картины, подпись «Амадио», которая имеет тот же кракелюр, что и все полотно, а значит подпись наносилась в то же время, когда была написана картина. Эта единственная работа, подписанная настоящим именем, обычно в своих работах Бруно Амадио использовал творческий псевдоним – Джованни Браголина, но эта картина видимо была для него особенной, – Моник умолкла.

– Может ли это быть ошибкой? – шепчет Роберт и Моник слышит его.

– Нет, наука не обманет нас в таких деталях. За сто лет существования искусствоведческих бюро наука в этой сфере достигла больших высот, по одной ворсинке кисти, при-

сохшей к холсту, мы можем сказать, чем болел художник, писавший ее. В данной работе факты нельзя опровергнуть. Вы сейчас смотрите в лицо той самой, легендарной картины, картины призрака, картины проклятия.

Все замерли, вперив взгляды в лицо на холсте. Звуки из зала, отдаленно долетавшие до них ранее, теперь бились о непроницаемый барьер сознания, словно мухи об оконное стекло. Ощущение необъяснимости и потусторонности наполняет пространство и больно колет кожу ледяными, невидимыми иглами.

– Сколько вы за нее хотите? – Роберт поворачивается к Моник.

– Мистер Стэнхоппер, картина не продается, вы хотели на нее только взглянуть, и вы взглянули, это достояние музея. – Моник поднимает с пола ткань и деловито набрасывает ее на холст, прерывая невидимый контакт. Тугая хватку зловещих рук, сжимавших тело Роберта мертвыми тисками, расслабляется. Он вдруг почувствовал себя снова свободно, но возбуждающее ощущение страха и опасности все еще пульсировало в его мышцах, пробегая по коже электрическими мурашками.

– Моник, в нашем мире продается все, вопрос только за какие деньги. Я уверен, что мы сможем договориться. – он выхватывает из кармана узкий черный блокнот и что-то чиркает на листе. – такая сумма сможет вас удовлетворить? – Роберт поворачивает блокнот к лицу Моник. На чистом, бе-

лом листочке выведена цифра «8 000 000».

Женщина замирает, пухлые розовые губки слегка приоткрываются, а затем изгибаются в хитрой, игривой улыбке.

– Вам почти удалось меня удивить, мистер Стэнхоппер, только к данной сумме нужно добавить еще один ноль, если, конечно, в вашей ручке не закончились чернила.

Роберт слышит кашель Марка за спиной, чувствует руку на своем плече.

– Роберт, не делай этого, слишком крупная сумма за Браголина. Всего лишь одна достойная картина его кисти, и то, мы оба знаем, что ее значимость переоценена, ты просто переплачиваешь за легенду. За озвученную сумму мы сможем приобрести Матисса!

– Заткнись Марк. – он снова поворачивается к Моник, – Вы принимаете чеки?

3

– Не смотри на меня так, я чувствую, что ты меня осуждаешь. – Роберт сказал это не поворачивая головы, едва услышав, как в гостиную вошел Марк.

– Какое место ты для него выбрал. – мужчина замирает и смотрит на картину, любовно размещенную над камином в гостиной дома Роберта.

– Мое самое дорогое приобретение. Я испытываю какие-то странные, смешанные чувства, когда смотрю на него. Ты сталкивался с чем-нибудь таким раньше? Я имею в виду,

что это всего лишь картина, а в душе какой-то дикий коктейль из страха и восхищения.

– Да, примерно тоже самое я почувствовал, когда Патриция залезла на шест, чтобы подарить мне танец на годовщину.

Роберт засмеялся, звуки отражались от стен и застревали в высоком арочном потолке гостиной. Марк плюхнулся на диван и без предложения, налил себе в стакан виски из графина, ровно на два пальца. Утро было очень светлое, лучи мягкого, майского солнца пробивались сквозь тонкую, матовую ткань гардинной шторы и падали на паркет перламутровыми, радостными бликами. Из гостиной через высокие, распашные двери можно было пройти на балкончик и, спустившись по каменной лестнице, увитой плющом, выйти на зеленую лужайку внутреннего двора. Вид на пейзаж за окном открывался очаровательный, пели весенние птички, стрекотали кузнечики, но стоило повернуться к камину и взглянуть на картину, висевшую над ним, окружающая, цветущая весна испарялась. Из пространства будто высасывали краски и тепло, оставляя только серые кости, которые и жизнью назвать было нельзя.

– Как она? – Роберт наконец плюхнулся на диван и взял со стола неизвестно сколько простоявший там стакан виски.

– Прекрасно, воспитывает Луи, планирует второй раз выйти замуж. Видимо первого раза со мной ее психике не хватило. – его губы исказила горькая усмешка.

Роберт хмыкнул.

– Это неплохая работа, я вынужден признать. Есть в ней что-то такое... за гранью понимания. – проговорил Марк, не сводя глаз с мальчика.

– Но определенно не стоит восьмидесяти миллионов долларов.

– Определенно не стоит восьмидесяти, мать их, миллионов долларов. – Марк перевел взгляд на Роберта – я не буду тебя осуждать и не буду ничего говорить про эту покупку, я даже не буду перечислять работы мастеров, которых мы могли бы купить, хотя перед тем, как прийти сюда я сверился со справочником Сотбис. Твою мать, Роберт, я мог бы предложить тебе гребаного Энгре!

– Купальщицу?

– Да! И Дармштадтскую мадонну на сдачу!

– Марк, Марк, остынь – он дружески потрепал его за коленку – я хотел эту. И я ее получил. Сейчас я достаточно обеспечен, чтобы исполнять свои желания, которых у меня осталось немного. Вот в колледже желаний было много, а финансов недостаточно. Иронично правда?

Марк не ответил. Он смотрел на картину плачущего мальчика над камином. Всем известна легенда, которая сопровождает ее. Говорят, что это сын художника и, чтобы написать такое проникновенное лицо, он держал горящие спички вплотную к глазам ребенка, чтобы увидеть и попытаться воплотить этот клубок чувств: страх, боль, отчаяние, гнев и

огонь, покрывающий все. Определенно Джованни был большим ублюдком. Марк, не мигая смотрел в глаза портрета, и реальность будто начала меняться как стерео картинка, вдруг комната мигнула и сменилась такой же, но объятый огнем. Пламя пожирало тонкую, матовую штору и обгладывало дорогой дубовый паркет. Марк вздрогнул, и картинка исчезла, сменившись привычным окружением. Он окинул помещение непонимающим взглядом и уставился на Роберта.

– Марк, что случилось? Ты будто призрака увидел.

– У меня какое-то странное предчувствие. Это плохая картина. Ты же знаешь ее легенду?

– Что все ее владельцы всегда умирают? Брось, нам с тобой не десять лет, и мы не в детском лагере. Я признаю, я переплатил, но это не повод рассказывать мне всякую чушь.

– Но ты же сам сказал, что испытываешь странное чувство. Роберт, все-таки подумай, я понимаю, что это все небывалые школьнички, но энергетика у картины правда странная. А у тебя семья.

Роберт молчал. Марк встал.

– Я пойду, надо глотнуть свежего воздуха, мне как-то не хорошо. Я хотел тебе сказать еще кое-что: Моник в реанимации.

– Боже, что случилось?

– Врачи сказали, что у нее эргодизм. В средние века эта болезнь называлась Огнем Святого Антония. Удивительное дело, в нашем то веке, последний случай заболевания был

в 1951 году во Франции. Можешь себе это представить? Ее съедает экстремально высокая температура, и кожные ожоги, симптоматика широкая, не буду тебе описывать все эти ужасы. Состояние стабильно тяжелое.

– Как она умудрилась заразиться этим? – Роберт был просто ошарашен.

– Никто не знает, она без сознания, возможно она съела зараженный продукт, но это просто какой-то абсурд.

– Я могу как-то помочь?

– Нет, но подумай по поводу картины. Она была ее хозяйкой всего то лишь пару недель.

– Марк, ты всерьез считаешь, что это из-за картины? Чушь!

– Все может быть Роберт. Но как-то все это странно. Ладно, мне нужно бежать. – Марк поставил на столик пустой стакан. – Еще увидимся.

Роберт не ответил.

На диван запрыгнула кошка. Она подошла к нему неслышно, на мягких лапах и ткнулась лбом в бедро.

– Мисси привет, привет дорогая, – Марк сгреб пушистое тельце в объятия и усадил себе на колени, – ты тоже считаешь, что я зря это сделал? А? Не говори, моя хорошая, это, наверное, было какое-то колдовство.

Кошка с искренним любопытством следила за пляшущими на полу бликами света, отражавшимися в ее глазах яркими всполохами огня.

Роберт работал у себя в кабинете, когда услышал щелчок входной двери. По лестнице простучали детские шаги, замершие в конце коридора.

Мужчина откинулся от ноутбука и медленно потянулся. Внизу бумажными пакетами шуршала Софи. Роберт отправился вниз, однако перед лестницей, ведущей на первый этаж, развернулся и направился в сторону комнаты сына.

После короткого стука в дверь, он открыл ее. Питер лежал на кровати и скучающе листал своего потрепанного «Кота в шляпе» доктора Съеса.

– Привет разбойник, что нового?

– Привет пап. Ничего. Все без изменений.

– Хорошо. – повисло неловкое молчание. – ладно, пойду помогу маме. Как насчет стейка на ужин?

– Да, конечно. – Питер отвечал, не поднимая глаз от книги.

– Хорошо.

Роберт постоял в проеме двери еще какое-то время, будто бы надеясь, что Питер сам предложит тему для разговора или решит спросить совета в делах сердечных, но Питер молчал и Роберт закрыл дверь. «Слишком много «Хорошо» за утро» – подумал он и поморщился от их кривого разговора.

Ему было сложно общаться с сыном, между ними всегда

был какой-то барьер. Роберт не любил слабость и сентиментальность и старался воспитать в Питере мужество и стойкость, но иногда перегибал палку и тем самым отталкивал сына от движения навстречу. Роберт не понимал, что с маленькими детьми так нельзя, нельзя оставаться каменным изваянием, чтобы показывать должный пример мужчины и надеяться, что этот же сын не сдаст тебя в дом престарелых в твои 70. Детям важно видеть в родителях плоть и кровь, а не бесчувственный каркас, изображающий отсутствие страха и любви. Питер мог часами о чем-то шептаться перед сном с Софи, но и часами молчать, оставшись наедине с отцом. В конечном итоге Роберт перестал пытаться наладить контакт с Питером и отпустил ситуацию, рассчитывая на то, что все решится само собой, без каких-либо усилий с его стороны, но в этом была его ошибка, которую он, увы, не мог признать.

Выходной день прошел спокойно, как всегда. Софи запекла лосося, не смотря на обещанные Робертом Питеру стейки, но мальчик не напомнил об этом, он прекрасно знал, что отец про это забудет, как и прочие бесконечные обещания. Съездить в зоопарк, покататься на теплоходе по Гудзону, поесть пончиков на Риверсайд, и еще много всего прочего, что они не делали вместе, а сколько еще предстояло вместе не сделать, буквально разбегались глаза. Да, конечно, он был во всех этих местах с мамой, но это не тоже самое, что быть там с отцом, которого он практически не видел. После ужина они посмотрели какую-то очередную тупую комедию по

ЭйчБиО, после чего Питер отправился спать, а Роберт и Софи еще долго сидели на шезлонгах на заднем дворе и смотрели на величественное звездное небо и каждый в тот момент думал о своем.

– Роберт, мне тоже не нравится картина. – вдруг произнесла Софи. – у меня от нее мурашки по коже.

– Значит, художник достиг своей цели – хмыкнул Роберт. – Джованни так и хотел. За натуральность и проникновенность эмоций он истязал собственного сына.

– Это ужасно. Если бы я была матерью этого мальчика, то я бы ни за что не позволила так издеваться над ребенком.

– Конечно. Истинные гении не останавливаются ни перед чем, когда речь идет о создании поистине великого шедевра. Границы дозволенного стираются и перестают существовать.

– Мона Лиза – великий шедевр. Плачущего мальчика ты несколько переоцениваешь, на мой взгляд. К тому же, мне кажется, что ты говоришь это с восхищением, хотя осуждение в данной ситуации было бы более уместно.

Роберт перестал улыбаться и открыл рот, чтобы донести до Софи свою точку зрения, как вдруг они услышали отдаленный протяжный звук, который постепенно трансформировался в плач ребенка.

– Питер. – обеспокоено произносит Софи и бежит в дом. Они вместе врываются в комнату Питера. На комод аквариум с рыбками горит тусклым светом и в этом блеклом, зеленоватом сиянии они видят, что мальчик спит. Софи едва

слышно пробирается к кровати и садится на краешек. Грудь мальчика медленно опускается и поднимается, щеки сухие, а мохнатый Тед, рыжая обезьянка, выглядывает из подмышки Питера и немигающе сверлит глазами-бусинами взволнованную женщину. Софи поворачивается к Роберту, он манит ее рукой. Женщина еще раз бросает взгляд на лицо сына и, убедившись, что с ним все хорошо встает и подходит к двери.

– Мама. – слышит она за спиной сонный голосок. – это Донателло плакал.

– Кто это родной? – она поворачивается и хочет подойти к сыну, но видит, что он уже закрыл глаза и снова углубился в сон.

– Что он сказал? – Роберт прикрывает дверь детской, после того как Софи вышла.

– Сказал, что плакал Донателло.

– Донателло? Кто это? Имя то какое.

– Не знаю, он раньше никогда его не произносил. Странно.

Тихо перешептываясь, они поднялись к себе в спальню. Через некоторое время единственное горящее окно в их доме погасло и только одинокая цикада, отказываясь от сна, стрекотала в ночную тишину.

5

Дом наконец опустел. Софи, сжимая в руках кружку с кофе, сидела на кухне и умиротворенно улыбалась. Ей нравились эти моменты, когда после галдяще-кричащего утра и

носящихся по дому мужчин, ее мужчин, все звуки постепенно сходили на нет, замирали, и тогда на сцену выходила чарующая картинка, наблюдать за которой можно было часами. Ее глаза непрестанно выуживали из окружающего пространства милые детали быта и плели из этих простых вещей необыкновенное полотно ее жизни. Она наблюдала за вьющимися в воздухе пылинками, зависавшими над диваном, плавным движением секундной стрелки часов, облачками пара, изгибающимися над ее кружкой. Сделав глоток кофе, она подставила свое лицо под падающие из окна лучи света. Было еще девять утра, но солнце уже ощутимо грело, разбрасывая по кухонной плитке бусины солнечных зайчиков. Здесь же у ее ног, подставляю под ласковое теплое солнышко пушистый живот, лежала Мисси. «Эй, подруга», – Софи улыбнулась и ногой почесала ее шерстистый бок, кошка и ушами не повела, женщина придвинула к себе блокнот с ручкой, чтобы написать список покупок на сегодня.

Софи была простой домохозяйкой, однако все ее дни были заполнены разнообразными делами, которые порой сложно было уместить в дневные часы: она была членом родительского комитета в школе Питера, постоянно организовывала мероприятия для их класса, перестраивала кабинет Роберта и в планах стояла реконструкция их ванной комнаты, посещала книжный клуб, готовила завтраки-обеды-ужины, писала статьи для литературных газет и даже вела собственный блог с рецензиями на книги. Возможно, наполняя свои

будни тысячей и одним делом, она старалась отвлечься и не думать о своей жизни, которая в последнее время стала ее беспокоить. Может быть это и был тот самый кризис среднего возраста, который пускал жизнь, как поезда под откос, но ее мысли регулярно кружили вокруг нереализованности в профессии, и осознание неудовлетворенности настоящим моментом словно бы открывало ей глаза на прошлые события, которые уже давно канули в лету. Она часто ругает себя за то, что поддалась на искущающие речи Роберта, обещавшего ей земные блаженства, если она не будет выходить на работу после рождения Питера, а займется домом и семьей, и только сейчас, в свои почти сорок лет, она поняла, что дом и семья – это не совсем то, чему она бы хотела посвящать все свое время. Однако поезд давно отошел от платформы и мчался в будущее, и запрыгнуть в последний вагон уже никак было нельзя. Спустя десять лет, потраченных на домашние дела, она нашла в своей душе горстку пепла, оставшегося от ее амбиций и страстной любви к журналистике из которого уже нельзя было слепить Эмпайр Стейт Билдинг. Человек со стороны, возможно, подумает, что она просто выдумывает себе проблемы, ведь все хорошо: влиятельный муж, большой дом, здоровый сын, но вся их жизнь напоминала прекрасный белый фасад здания с пышными фиалками в горшках у входной двери, и стоит только бросить взгляд за порог, как тебя поразят голые, бетонные стены, среди которых гуляет эхо. Софи часто вспоминает, как она выходила замуж за

молодого архитектора-проектировщика, работавшего в конструкторском бюро и не хватавшего с неба звезд, как она была беременна Питером и продолжала писать статьи в «Харвард Ревью», работая там внештатным публицистом. Ставка за статью была небольшая, 50 центов за слово, но Роберт тогда уже основал свой бизнес и взял первых клиентов, поэтому ей не приходилось больше думать о деньгах. За всю свою жизнь, как и любой публицист, она несколько раз подступалась к собственному роману, но так на него и не решилась, а теперь уже и представить не могла. Лежа вместе с Робертом в кровати и слушая его легкое похрапывание, она все чаще задумывается о разводе, не от того, что с мужем было плохо, нет, просто хотелось что-то изменить, разорвать этот цикл сна и бодрствования и найти за его пределами ту, старую себя. И в этих мечтах она засыпала, умиротворенная и счастливая, чтобы утром снова обнаружить себя в том же самом доме, в той самой постели и в той самой жизни, которую так хотелось изменить, но было очень страшно начать.

Тем временем в прихожей послышались шаги, прервавшие ее печальные размышления. Шаги ребенка, мелкие и суетливые. Софи выпрямилась и бросила взгляд на вход в кухню, ожидая увидеть там Питера, который по какой-то причине вернулся из школы через час после ухода. Мисси взвилась в воздух, шерсть на ее загривке встала дыбом, она с урчанием уставилась на вход. Сердце женщины бухнуло в груди и провалилось куда-то вниз, трепеща в районе живота. Если

Питер так рано вернулся со школы, конечно, если это был он, то явно что-то случилось. Но на кухню никто не вошел, вместо этого кто-то потоптался у двери, шаркая ногами по плитке, и затих. Скрипнула шестая ступенька лестницы, она всегда скрипела, когда на нее наступали. Софи встала со стула и направилась в прихожую. Пусто. Она бросила взгляд наверх, на площадку между двумя пролетами лестниц – все также никого. В доме царила оглушающая и какая-то зловещая тишина, слышно было только дыхание Софи и возмущенное пыхтение кошки. Женщина стояла словно приклеенная, она боролась с самой собой, понукающей пойти посмотреть, кто поднялся наверх и кричащей, чтобы она быстро вышла из дома, так как тот, кто был в доме не был Питером.

Софи глубоко вдохнула, медленно выдохнула, и начала подниматься по лестнице наверх. Первая ступенька, вторая, третья, сердце напряженно колыхалось и сбивало ритм. «Питер?» – позвала она. Нет ответа. Двадцатая ступенька, второй этаж, темно. Двери комнат были закрыты из-за чего в коридоре стояла почти кромешная темнота, нагромождавшая в углах черные, неразборчивые фигуры. Софи осмотрелась, затем подошла к комнате Питера и взялась за ручку двери. Из комнаты доносился легкий, едва слышимый шорох, как будто кто-то переставлял там вещи, присаживался на кровать, открывал двери платяного шкафа. По спине женщины побежали холодные мурашки, она закусил губу и, стараясь издавать как можно меньше звука, провернула шершавую

ручку. В открывшуюся створку она увидела пустую комнату, распахнула дверь, заглянула за нее. Никого. «Кто здесь?» – тишина. Софи громко выдохнула, но снова застыла: из-под кровати торчали носки детских ботинок. Она видела, что они были поношенные, подошва в некоторых местах оторвалась, кожа была вытерта до дыр, Питер такое бы ни за что не надел. Одеяло с кровати сползло практически до пола и закрывало все, что находилось под кроватью, но обувь предательски торчала. Женщина услышала приглушенные всхлипывания и правый ботиночек исчез под одеялом. Софи почувствовала, как мелкие волоски на затылке встали дыбом, она взялась за край одеяла онемевшими пальцами и резким движением отдернула его вверх, но под кроватью было пусто, если не считать чужих, изношенных ботинок.

6

Десять утра. Перед Робертом, покрывая всю поверхность дубовой столешницы, лежит проектный план городской библиотеки. Мэрия обратилась к ним за ее реконструкцией месяц назад и, наконец, спустя бессчётное количество встреч и совещаний с ведущими архитекторами его фирмы, схема была отрисована, колонны расставлены, арки нанесены. Лично мэр попросил Роберта взять данный проект под свой контроль и, конечно, мужчина не смел отказать. Роберт склонился над чертежом и водил карандашом по каждой линии, проверял корректность составленной модели, через час со-

стоится встреча с заказчиком, важно отработать сценарий.

В кабинет заглядывает его помощница, Присцилла.

– Босс, Софи на линии.

Роберт вскидывает брови, Софи редко беспокоит его звонками в течение дня, обычно все бытовые вопросы решаются за ужином. Он пальцем цепляет серую трубку телефона со станции и подносит его к уху.

– Роберт, – звучит взволнованный голос Софи. – это прозвучит очень странно, но, мне кажется, кто-то забрался к нам в дом.

– Кто? Ты звонила в полицию?

– Нет. Мне кажется, он ушел. Я слышала, как в дом кто-то вошел, слышала стук входной двери и шаги. – ее голос дрогнул. – я подумала, что вернулся Питер, но в прихожей никого не было. И я слышала шорох в спальне Питера, но, когда вошла, там тоже никого не было. Только нашла какие-то стоптанные ботинки, и они точно не Питера.

– Может Питер забыл что-то дома, вернулся, взял это и сразу ушел?

– Я сначала тоже так подумала, но телефон Питера определяется в школе и, я ему написала. Он сказал, что он на уроке.

– Может быть кто-то из соседских ребят подшутил, и решил попугать тебя. – предположил Роберт. – в любом случае, это ж не призрак отца Гамлета в конце концов. – Роберт хмыкнул.

– Да, конечно. Может быть это соседские дети – услышал он сдавленный голос.

– Не ломай голову, Софи. Может ты перенервничала, может тебе что-то послышалось или показалось. Лучше приляг, отложи дела.

– Да, я, пожалуй, так и сделаю.

– Хорошо. Если что – звони. И запирай дом, ради бога! Я же уже тебе говорил, чтобы ты закрывала дверь.

– Ты прав, я постоянно забываю, но теперь буду.

Роберт подождал пока Софи повесит трубку и вернулся к своему чертежу.

Не хватало им еще призраков, бегающих по дому. Роберт вспомнил настойчивые предостережения Марка и поспешил отмахнуться от этих мыслей.

– Чушь! – вырвалось у него.

Команда архитекторов во главе с Робертом сидели за длинным переговорным столом, когда в переговорную комнату вошли трое мужчин.

– Мистер Стэнхоппер? Лично? Рады видеть – засмеялся один из них, статный мужчина со светлыми волосами, в дорогом, сером костюме.

– Мистер Уайтхорн, взаимно. Как я могу не поучаствовать в таком интересном проекте! – Роберт улыбнулся своей широкой, белозубой улыбкой и пожал протянутую руку.

После коротких представлений и знакомств, Роберт развернул на переговорном столе планировку помещений, точ-

но такая же планировка была выведена на стену через проектор, и группа мужчин погрузилась в работу.

Описывая сеть арочных переходов, изображенных на схеме фронтально, Роберт обратил внимание на малоприметную деталь, которую раньше на данной части схемы не видел. В конце арочного коридора, на стене была нарисована картина. Квадратик совсем небольшой и нельзя было разобрать детали, но это был четкий холст в раме на стене, в этом не было сомнений. Роберт замер, с остро наточенным карандашом в руках. Этого не могло быть, это невозможно! Он несколько раз проверил каждый миллиметр проекта в поисках недочетов и все было идеально. Никакой чертовой картины на чертеже не было! Его голову сдавили горячие тиски, дышать стало трудно, по спине заскользили волны жара, словно он сидел спиной к полыхающему костру. Реальность поплыла, линии чертежа, лежащего перед глазами, едва заметно начали изгибаться. «Точно, как тогда, в музее» – судорожно подумал он не в силах сопротивляться этой уплывающей реальности.

– А что это у вас, мистер Стэнхоппер? Предложение по внутреннему дизайну помещений? – Фредерик Уайтхорн хохотнул и ткнул пальцем в рисунок картины. Прозвучавший голос, словно скальпель вспорол пространство, расползавшееся под пальцами, и вернул Роберта в переговорную комнату «Гауди», к группе людей, молча наблюдавших за его ступором.

– Роберт ты в порядке? – Фредерик наклонился к нему и легонько сжал его плечо.

– Да, да, я в норме, просто вдруг резко заболела голова. Прошу прощения джентльмены, итак, продолжим...

Через час с небольшим переговоры были завершены. Мужчины встали со своих мест и на выходе из переговорной комнаты обменивались завершающими деталями проекта. Роберт был доволен встречей, за исключением инцидента в начале, дальнейший ход мероприятия прошел гладко. Представителям мэрии понравился проект, была внесена только пара правок, которые нужно было согласовать со штатным инженером и можно было готовиться к процессу передачи документации.

– Электронный архив сможем прислать вам в эту пятницу, господа.

В какой-то момент, Роберт, шедший последним, услышал за спиной странное шуршание и щелчки. Он обернулся и в ту же секунду отпрянул назад, толкая спиной коллег: схема с проектом, лежащая на столе, начала двигаться и скукоживаться. В центральной части, появилось коричневое пятно, расширявшееся и обугливавшееся по краям. Ватман вспыхнул. Он сворачивался в трубочку и чернел за считанные секунды и к моменту, когда сотрудники опомнились и побежали к пожарным шкафам, чтобы достать огнетушители, лист с чертежом уже сторел, оставив вместо себя на столе хрупкую, черную пленку.

Все застыли, наблюдая за пламенем и все также продолжали стоять после того, как бумага истлела.

– Это что за спецэффекты? – проговорил мужчина, стоящий по правую руку от Роберта.

Человеческий голос словно прорвал плотину, сотрудники встрепенулись и загалдели, высказывая свое недовольство.

«Это немыслимо!», «Угроза безопасности!», «Сущий кошмар!», Роберта со всех сторон обступило диссонирующее, хаотичное пространство, требующее ответа и разъяснений, каким образом в офисе архитектурного бюро, посреди встречи могут самопроизвольно вспыхивать листы бумаги!

– Джентльмены, мы не ивэнт-агентство, увеселительные розыгрыши не в нашем стиле. Я вас уверяю, мы не планировали никаких подобных мероприятий. Это какое-то недоразумение, может быть короткое замыкание на блоке розеток в столе. Мы постараемся с этим разобраться. – голос Роберта звучал спокойно и уверенно, он всеми силами старался сохранить самообладание, в тоже время чувствуя, как его бьет мелкая, неприятная дрожь. – Я еще раз благодарю вас за встречу, что нашли время приехать и поговорить, надеюсь, что финальный инцидент никак не скажется на нашем дальнейшем взаимодействии.

Мужчины скомкано поблагодарили Роберта и его коллег и, торопливо пожав руки, поспешили уйти.

Домой Роберт вернулся в районе одиннадцати. Софи и Питер уже спали, свет горел только в прихожей. Стараясь не

шуметь, он прошел в гостиную, в камине тлели дрова. Роберт положил пару брусков на алые головни и сел на диван, мягкая бархатистость подушек из бычьей кожи великодушно приняла его тело. Вскоре бруски весело запыльхали, периодически выстреливая в пространство оранжевые искорки, комната наполнилась приятными звуками и запахами костра. Роберт налил себе виски. Он умиротворенно наблюдал за огнем, чувствуя, как его тело наполняется приятным теплом, толи от камина, толи от выпивки, а может быть от того и другого вместе. В голове лениво всплывали картинки прошедшего дня, обрывки фраз, лица. Он почувствовал, как постепенно его начинает окутывать дрема, которой уже не было сил противостоять. В этих согревающих волнах, обнимающих тело мягким, уютным одеялом, он парил в пространстве, все дальше и дальше улетаая от своей гостиной. Из глубин сознания всплывали еле уловимые, призрачные силуэты, светящиеся пятна лиц, тонкие, изящные руки. Из зыбкой дымки вынырнула детская рука, маленькая грязная ладошка, с обкусанными ногтями приблизились к его лицу, затем опустилась на его щеку, но за ладонью был виден только силуэт, размытые пятна вместо головы и тела. Рука начала как-то проявляться в его сне, словно бы выдавливалась в окружающем пространстве, как гравировка на монете, она становилась более отчетливой, расталкивая своим присутствием зыбкие тени царящего вокруг сна. В засыпающем мозгу Роберта заворочались мысли, что этот сон слишком реалисти-

чен, что касание руки слишком навязчивое, что ладонь горяча настолько, что обжигает его кожу. Его сознание будто бы приклеилось к этой ладошке и начало всплывать из глубоко сна, влекомое слишком очевидным жаром детской руки. Роберт заворочался на диване, его глаза приоткрылись и в сумраке комнаты с пляшущими на стене оранжевыми бликами огня он увидел, что перед ним действительно кто-то сидел и горячая ладонь на щеке была реальной. Мужчина дернулся, окончательно стряхивая с себя дремоту и огляделся, комната была пуста, только со стены на него смотрел мальчик с заплаканными, черными глазами.

7

Он проснулся от того, что кто-то тряс его плечо. Роберт открыл глаза и увидел нависшее над ним лицо Софи. Глаза ее были расширены и в сумраке комнаты, казались абсолютно черными.

– Роберт, у Питера сильный жар, я вызвала скорую помощь.

Мужчина рывком сел на кровати, все еще смутно понимая, что происходит он судорожно шарил ногами по полу, пытаясь найти тапочки, но так и не мог их нащупать.

– Это грипп?

– Я не знаю, вечером все было нормально, я утром встала в туалет и заглянула к нему. Он так тяжело дышал, как-то страшно сипел. – Софи сидела на кровати спиной к нему, ее

голос дрогнул и прервался. Роберт услышал всхлипы.

– Все будет хорошо, я позвоню приятелю, он работает главврачом в одной очень хорошей клинике. Питера быстро приведут в порядок.

Он подсел к ней и приобнял ее, чувствуя, что обнимает скорее холодную статую, чем человека. Она резко поднялась, вырываясь из его рук.

– Пойду посмотрю, как он и соберу вещи.

– Да, конечно, я поеду с вами.

Роберт переодевался из пижамы в джинсы и кофту, когда услышал приближающуюся сирену скорой помощи. Он быстро спустился вниз и открыл парамедикам дверь, не дожидаясь звонка. Двое молодых мужчин поднялись в комнату Питера. Мальчик лежал на кровати, одеяло было скинуто в сторону, волосы мокрыми прядями прилипли к испарине лба, дышал он тяжело и хрипло. Один из парамедиков достал градусник и поднял руку мальчика, чтобы засунуть его подмышку, Питер тихонько захныкал, не открывая глаз, он едва двигал головой и рукой, и движения эти были вялыми и заторможенными. Градусник запыкал на 39,7, после чего один из мужчин повернулся к Софи:

– Вы готовы ехать в больницу?

– Да, да. – прошелестела она безжизненно. – скажите, что это? Как он?

– Мы не можем поставить диагноз, возможно какая-то лихорадка, в больнице уже будут все тщательно проверять.

Не беспокойтесь. Сейчас мы ему поставим жаропонижающее, чтобы остановить рост температуры и передадим врачу. Сколько ему лет?

– Десять.

Второй парамедик, осматривавший Питера, приподнял пижамную кофту, оголяя живот мальчика и замер.

– Пол, смотри.

Парамедик говоривший с Софи повернулся к коллеге, Софи и Роберт также приблизились к ним. Вся грудь и живот их сына были покрыты огромными красными пятнами, напоминавшими ожоги. Кое-где эти пятна переходили в скопления мелких водянистых пузырьков. «Высокая температура и кожные ожоги, симптоматика широкая...» – звучит голос Марка у Роберта в голове. Эрготизм, огонь Святого Антония.

– Боже только не это – прошептал Роберт. – куда его повезут? – уже громче произносит он.

– Ближайшая – Госпиталь Форест Хилл. На углу шестьдесят шестой и сто второй. – мужчины начали собираться. – носилки принести?

– Нет, мы так его донесем.

Позже в больнице Роберт озаботилась, чтобы Питера разместили в одиночную палату и не смотря, на огромный поток пациентов и общий хаос, творящийся в приемной и стационаре, для их сына все-таки нашли уединенное местечко. Питер продолжал пребывать в каком-то полусне, несмотря

на то что температуру удалось сбить. Мальчик бледным призраком лежал на больничной койке, сливаясь с белой подушкой, такой же белой, как и его кожа. Роберт и Софи боковым зрением видят, как в палату открывается дверь, наполняя ее шумом коридорной суеты, мимо небольшого окошка выходящего прямо в коридор, постоянно проносятся люди, стучат каталки по плитке и эти звуки врываются в тишину палаты, через открытую створку двери.

– Миссис и мистер Стэнхоппер, добрый вечер. Я доктор Маккэвл. Мне нужно осмотреть Питера.

Софи, сжимавшая руку сына, безжизненно кивает и, с трудом разжимая пальцы, отпуская руку, пересаживается в кресло в углу комнаты.

Хмурясь, врач приподнимает край больничной робы, оголяя живот мальчика и долго осматривает странные высыпания на коже. Меряет температуру, светит фонариком в глаза, что-то пишет в бланк с историей болезни. Все эти действия, плавные и заученные, сопровождающиеся только легким шорохом халата врача и щелчками планшетки с больничным бланком, производят какой-то гипнотический эффект. Словно бы перед ними движется гигантский метроном и плавные движения маятника навевают сон на уставшее сознание родителей.

– Что он ел накануне? – тишину нарушает мягкий голос врача.

Софи встрепенулась в углу.

– Тоже, что и мы, запеченные овощи и фрикадельки с подливой. – ее голос звучит хрипло.

– Фрикадельки из какого мяса?

– Цыпленок.

Доктор Маккэвл задает еще несколько вопросов, и получая ответы, фиксирует их в бланке.

– Мистер и миссис Стэнхоппер, до получения результатов взятых анализов сложно ставить диагноз. По внешним симптомам это может быть как обычная ветрянка, так и вирус Зика. Завтра мы получим данные по крови и уже можем судить более точно о том, что происходит с вашим сыном. А пока, езжайте домой, примите снотворное и поспите, Питер под нашим полным наблюдением.

– Доктор, могу я остаться с ним? – спрашивает Софи.

– Да, конечно. Вы можете остаться, но только одна. Нахождение в палате обоих родителей будет неудобно и вам и нам.

Роберт сидел напротив и не сводил напряженных глаз с Софи, его взгляд беспокойно цепляется за бледный овал ее лица, замирает, прикованный к темным кругам под глазами. Он видит, как она сжимает в руке уже насквозь мокрый платок и ему безумно хочется подойти и обнять ее, но он не может заставить себя подняться с кресла. Роберт, тронутый уязвимостью и беззащитностью Софи, словно бы отступает в тень и на его месте поднимается тяжелая, темная фигура сильного и беспринципного Роберта, для которого любое со-

страдание – проявление слабости и может вызывать только раздражение. Мужчина почти физически ощущает, как он наполняется свинцом, словно кто-то заливает жидкий металл в литейную форму, бывшую его телом. Нечеловеческим усилием он приводит себя в движение, поднимается с кресла, чтобы пожать врачу руку, мимолетно подумав, что свинец слишком хрупок и недолговечен, чтобы из него делать нерушимые статуи.

Когда все бытовые вопросы, связанные с пребыванием его жены и сына в больнице были решены, Роберт выходит на улицу, в серое, зарождающееся утро. Парковка у госпиталя пустынна, только кое-где он замечает движущиеся фигуры – уборщики лениво копошатся на прилегающей к госпиталю территории. Роберт рассеяно бросает взгляд на розовеющий горизонт и вызывает себе такси. В шесть утра, летя по свободным улицам, он едва осознает, где находится и каким маршрутом едет водитель, если бы злоумышленники сейчас решили похитить его, то вряд ли он смог бы дать им отпор. Его сознание погрузилось в спячку, а тело двигалось на автомате, желая только доковылять до кровати и погрузится в сон. Войдя в дом, из последних сил, он оставляет сообщение Присцилле, чтобы она отменила на сегодня все встречи и выключается, едва его голова касается прохладной подушки. Шестеренки и рычажки внутри с легким гулом замедляются и затихают, сон, мгновенно смыкает свои жвалы на его голове и легкий сумрак спальни перестает существовать.

Роберт стоит перед входной дверью своего дома, ярко светит солнце, он оглядывает пространство вокруг себя, взгляд ползет медленно и заторможено. В поле зрения Роберта появляется его рука, словно чужая, она ложится на позолоченную ручку двери и поворачивает ее, освобождая проход. Однако его взору предстает не привычный вид уютной гостиной, а черное, дымящееся пепелище. За белоснежным фасадом особняка раскинулось пожарище, с еще дымящимися и тлеющими остатками дорогих его сердцу вещей. Он скованный ужасом, переступает через порог и оглядывается вокруг, его взгляд выуживает из черноты и копоти предметы, которыми были обставлены комнаты, остатки картин, которые он с такой любовью покупал и размещал на стенах, это были его ценнейшие приобретения, теперь лежавшие на земле грудями пепла. У скелета лестницы, ведущей на второй этаж, он замечает сваленные груды тряпья, подходит ближе, и холодея приподнимает фрагменты обгоревшей ткани, видя под ними руку человека. Он откидывает ткань и падает на спину, раскрошив в труху остатки журнального столика. Это не тряпье, а обугленные тела взрослого человека и ребенка, они, заключившие друг друга в смертельных объятиях, навечно замерли в эпицентре пепелища. На остатке безымянного пальца взрослого тела он видит два кольца – обручальное и помолвочное, кольца какие носила Софи. Все вокруг начинает пульсировать черными вспышками, Роберт пытается кричать, но чувствует только, как открывается рот, звук

же застревает внутри, замирает у основания его глотки. Он беззвучно плачет, касаясь обугленного тела Софи, которое превращается под пальцами в пепел и опадает на пол невестомой, черной пылью. Роберт в безумном припадке трясущимися руками пытается собрать пепел обратно, в Софи и в Питера, слепить из него свою жену и сына, но в сгоревшие останки не вдохнуть жизнь и на его черном от сажи лице, слезы прочерчивают белые, блестящие дорожки. А у кирпичной кладки камина на него смотрит с картины напряженное лицо мальчика и такие же искрящиеся слезы текут и по его чумазым щекам...

Он просыпается рывком. Лучи полуденного солнца пробираются в спальню, между неплотно задернутых штор и дрожат на полу бледно желтыми пятнами. Роберт бросает взгляд на часы, и тут же морщится, виски пронзает резкая боль. Двенадцать дня, пора бы собираться в офис. С каменной головой, он поднимается с кровати и тащится в ванную. Из зеркала на него смотрит красноглазый, пожилой мужчина с помятыми волосами. Надо же как нарушение режима сна-бодрствования преображают внешний вид, накидывает на лицо плюс десять лет. Удивительно. Холодной водой и чашкой кофе, Роберт старается вернуть себе свой прежний облик, однако кажется, что эти манипуляции бесполезны и он останется таким навсегда, ну или по крайней до тех пор, пока не постареет еще больше. Поджаривая себе яичницу, он обращает внимание на мигающую лампочку на автоответчи-

ке и нажимает кнопку, чтобы прослушать сообщение.

«Роберт, это Софи, Питера увезли на обследование, ска-
зали результаты анализов будут ближе к вечеру. Пришли ко-
го-нибудь со сменным бельем, возможно мы здесь останемся
еще на какое-то время», – она замолкает, но не вешает труб-
ку, будто бы хочет сказать еще что-то и не решается, «по-
ка» – раздается дрогнувший голос и звонок разъединяется.

Завтракая, он звонит их помощнице по хозяйству и про-
сит ее заняться вопросом сбора и передачи вещей в госпи-
таль.

Когда Роберт выезжает в офис, часы показывают уже час
дня. Он чувствует беспокойство за сына, какой-то неприят-
ный осадок из-за реакции жены и даже такой яркий, сол-
нечный день не может осветить черноту его мыслей. Черные
мысли, черные дни, действительно, как бы он не верил в это
дурацкое проклятие картины, черная полоса началась имен-
но в тот момент, как картина появилась в их доме. Роберт
постоянно прерывает эти мысли, ругая себя за нерациональ-
ность, но они то и дело прорастают в его голове новыми, зло-
вещими побегам. В этом гипнотическом состоянии, опасно
управляя машиной, он набирает номер Марка.

– Алло. – вылетает из динамика голос друга.

– Марк привет. – Роберт не узнает свой глухой, сиплый
голос.

– Роберт? Что-то случилось? Ты заболел? – беспокоится
Марк.

– Нет, нет, со мной все в порядке. Это Питер. Питер сильно заболел, мы отвезли его в госпиталь ночью.

– О боже, что с ним? Я могу что-нибудь сделать?

– Врачи пока не знают. Говорят, что какая-то лихорадка. Но, вспоминая твой рассказ, это очень похоже на то, что случилось с Моник. – Роберт произносит это и чувствует, как его начинает трясти.

Он сворачивает на обочину посреди шоссе, благо в середине дня трасса совсем не загружена и откидывается на спинку сидения. Стальные тиски начинают медленно сжимать его грудь, мешают дышать, перед глазами замельтешили мелкие, черные пятна, и вскоре все перед глазами перекрывается живой, пульсирующей чернотой. Он хватается за голову, пытаясь взять себя в руки, но не может унять бьющую его дрожь, она неконтролируемо пронизывает все его тело словно электрический ток, скручивает мышцы до спазма. Он, пытаясь расслабить челюсти, начинает реветь, словно дикий медведь, которого разбудили от спячки.

– Роберт, Роберт ты слышишь меня? Где ты находишься, скажи, я сейчас же приеду. – отдаленно слышит он голос Марка, который прорывается к его сознанию словно сквозь плотное одеяло.

Мужчина обводит мутными глазами пространство, чтобы определить, где он

– Я у сквера Томаса Дэйви, съехал с Борден-авеню, на аварийке. – выдыхает он.

– Я еду, дружище, дыши, держись, похоже это паническая атака.

Он как будто отключается, погружаясь в этот мутный, непроницаемый кисель. Из какой-то другой жизни до него долетают звуки проезжающих мимо машин, но никто не останавливается и даже не обращает внимания на одиноко стоящий на обочине Мерседес. Роберт слышит тиканье аварийки, отсчитывающей секунды, возможно даже часы и годы, пока его затягивает в это тягучее безвременье, постепенно это тиканье трансформируется в звук метронома, щелканье становится гипнотическим и липким, Роберт словно бы летит на звук в мутной серости своего сознания. Вдруг окружающее начинает светлеть, а потом уже нестерпимо слепит глаза, мужчина жмурится и закрывается ладонями, стараясь спастись от этого выжигающего света. В какой-то момент он чувствует, что стоит на твердом полу, а не парит в воздухе. Роберт убирает ладони от лица, и обнаруживает себя в палате госпиталя, у стены стоит койка, на которой спиной к нему сидит женщина в больничной робе. Через неплотно сомкнутые края ткани он видит ее голую спину, она вся в волдырях и покраснениях.

– Теперь ты его папа. – слышит он скрипучий голос старухи, но Роберту отдаленно знакомы характерные низкие нотки в этом голосе, он слышал его уже однажды и в тот раз он был чарующе соблазнителен. Только где это было? В таком же сумрачном помещении. В глухой комнате. В музее, да.

Это Моник! Он узнал ее голос, но подойти и заглянуть ей в глаза ему не хватает духу. Он стоит как вкопанный, боясь пошевелиться.

Он тяжело сглатывает, во рту мгновенно пересохло, язык шелестит во рту словно целлофановый пакет.

– Как мне избавиться от него? Как мне спасти сына?

– Найди ему другого папу. Однако, у тебя уже не осталось времени. – больничная койка под женщиной скрипит, она медленно поворачивает к нему свое лицо и Роберт отшатывается от нее, с трудом сдерживая отвращение, все ее лицо, как и спина, покрыто ожогами и волдырями, некоторые уже лопнули и из них по щекам и лбу Моник сочится прозрачная сукровица. Ее тело начинает сотрясаться то ли от смеха то ли от истерики, перерастая в жуткий эпилептический припадок, она начинает выть дикой, безумной волчицей, а Роберт медленно отступает к двери палаты, но, споткнувшись обо что-то, падает, больно ударившись затылком.

В темноте он чувствует движение воздуха на своем лице и улавливает резкий запах аммиака, который распарывает тягучую массу, обхватившую его, и поднимает его сознание к свету. Черная, пульсирующая пелена перед глазами растворяется, он видит склонившегося над ним Марка с бутылочкой нюхательной соли в руках и начинает плакать.

Роберт подносит ко рту белую, кофейную чашку, обхва-

тив ее двумя руками, чтобы контролировать бьющую его дрожь и не расплескать горячий напиток. Они с Марком сидят в дорожной забегаловке, в ста метрах от машины Роберта. С каждым глотком по телу мужчины расходится приятное тепло, приступ миновал, оставив после себя лишь легкий тремор, расходящийся по телу стихающими и удаляющимися афтершоками. Марк предложил довезти его до дома, но Роберт, практически пришедший в себя, в силу своего характера, предпочитал делать вид, что то, что случилось часом ранее было не с ним и желательно вообще про это больше не вспоминать. Марк настоял на том, чтобы он довез его до работы, он был категорически против, чтобы Роберт сел за руль в таком состоянии.

– В каком? – хмыкнул Роберт и с вызовом уставился в глаза Марка.

Марк рывком схватил его руку и приподнял от стола – рука, потерявшая опору, предательски тряслась на весу.

– Вот в таком Роберт! Хватит храбрится! Ты не робот, а живой человек и, как выяснилось, у тебя тоже есть чувства, и ты можешь переживать и страдать также как все!

Роберт молчал, плотно сжав губы.

– Хорошо, отвези меня в офис. Но домой я поеду уже сам, не надо за мной вечером приезжать.

– И на том спасибо. – съязвил Марк.

По пути Роберт рассказал Марку случившееся с Питером и оба они решили, что выводов делать рано до получения

анализов, однако все описанные Робертом симптомы предательски выдают загадочную болезнь, которой также страдала Моник.

Они доехали до бизнес центра, где располагалось бюро Роберта. Вокруг сновали бесчисленные люди: мужчины и женщины в деловых костюмах, курьеры на велосипедах, туристы, замороженно слушающие гида, площадь перед зданием как гигантский муравейник, кипела и бурлила, не утихая никогда, ни днем ни ночью. Роберт молча наблюдал за толпой, которая в движении сливалась в один организм, но стоило только задуматься, что каждый отдельный человек в этом Вавилонском столпотворении – отдельная личность и на душе сразу становилось чуточку теплее. У каждого свои заботы, мысли, планы. Индивидуальность растворяется в пульсе города, как только ты ступаешь за порог своей собственной квартиры и теряешь человеческий образ для прохожих и для самого себя, пока вечером снова не вернешься к себе домой.

– Спасибо, дружище. – Роберт поворачивается к Марку и жмет ему руку.

– Всегда рад помочь. Звони. – улыбается Марк.

Роберт открывает дверь машины и выходит из нее, долго потягиваясь, но потом вспоминает что-то и перед тем, как захлопнуть дверь, наклоняется к окну.

– Кстати, а как Моник? – спрашивает он.

Марк какое-то время молчит.

– Я не хотел тебе говорить. Она... Она скончалась вчера.

Роберта обдало волной жара, словно гигантский адский пес приветственно облизывал его своим огромным горячим языком. Он едва не падает на мостовую, словно от удара, молча захлопывает дверь и стеклянными глазами окидывает пространство вокруг. Все внутри съеживается и холодеет. Что же будет с его сыном? Из роя мельтешащих в голове мыслей, одна назойливо мозолит глаза, словно выброшенная газета липнет к лобовому стеклу мчащейся по шоссе машины. Проклятая картина, это все она.

В офисе он не выходил из своего кабинета остаток дня, не принимал посетителей и звонки. Роберт сидел за своим столом и не сводил глаз со своих рук. Он раз за разом прокручивает в голове свое видение, Моник сказала, что картине нужен новый папа. Мальчику с картины нужен новый хозяин, тогда возможно, мушка прицела перейдет с него на кого-то другого, если, конечно, у Роберта осталось еще время. По всей видимости картина, каким-то образом набирает силу, раскручивает спираль, и сейчас Роберт и его семья находится на последних ее изгибах. Нужно передать картину другому человеку, но не просто человеку, а «папе», кто не сделает мальчику больно. Но ведь это значит убить нового хозяина, по всей видимости этот драматичный спектакль заканчивается смертью, и смена главного героя не переломит замысел сценариста. Он закрывает лицо ладонями, Роберт понимает кому он должен передать картину, истинному ценителю, эстету и лучшему другу, но это значит убить его. Его бьет

мелкая дрожь, не хватает воздуха, он рвет рубашку у себя на груди, так, что отлетают пуговицы. «Господи помоги мне!» – взывает он к всевышнему в своей голове. Перед его глазами появляется образ сына на больничной койке, его блеклые черты лица напоминают застывшую посмертную маску, однако постепенно сквозь восковую кожу проявляются чумазые щеки, а сквозь прозрачные веки выглядывают черные, звериные глаза и смуглое лицо мальчика с картины проступает на лице его сына, перекрывая изначальный образ, будто два слайда диафильма накладываются друг на друга, переплетаясь между собой линиями лиц и тел.

На аппарате телефона беззвучно замигала лампочка внутренней линии, он не принял звонок. Через несколько секунд в кабинет заглянула Присцилла и быстро пробормотала:

– Босс я знаю, вы просили не соединять, но это Софи.

Он поднимает на нее мутные, непонимающие глаза и какое-то время смотрит на пятно ее лица, затем кивает и поднимает трубку телефона.

– Роберт. Питеру хуже, он в реанимации. – прошелестел в трубке голос его жены, далекий и незнакомый.

Роберт ничего не ответив, положил трубку, взял со стула свой пиджак и решительно направился к выходу.

Марк подъезжает к своему дому и глушит двигатель машины. Денёк был не из легких, после того, как он отвез Ро-

берта на работу, ему нужно было встретиться с клиентом и обсудить приобретение нескольких заинтересовавших его лотов корейских художников на предстоящей выставке в Музее Гоггенхейма, затем он встретился с представителем Фабиана Кастаньера, художника имеющего свою галерею в Майами и получил от него информацию о перспективах открытия галереи Фабиана также и в Нью-Йорке.

Последние лучи заходящего солнца красиво освещали его небольшой дом, Марк подошел к входной двери и увидел прямоугольный предмет, завернутый в крафтовую бумагу, стоящий на его крыльце. Марк обхватил ладонью верх предмета и сразу понял, что это рама картины, к картине был приложен конверт. Он, недоумевая, поднял ее и, подхватив конверт, внес все в дом.

Аккуратно поставив картину у стены в гостиной, он открыл конверт и достал свернутый лист бумаги.

«Марк, мой дорогой друг,

Я не смогу объяснить ни тебе ни себе мотивацию своего поступка. Я делаю это ради сына и буду страдать за это до конца дней своих, но я верю, что по-другому было нельзя. Эта проклятая картина убьет Питера, если я не приму мер. Мне нужно передать эту картину кому-то другому, кто также, как и я, видит в ней определенную ценность. Я молю Бога, чтобы это помогло моему сыну и, чтобы не принесло тебе большого вреда. Я люблю тебя дружище, прости меня.

Роберт С.»

Марк читает это письмо и его начинает охватывать паника. Руки затряслись, он выронил лист и судорожно схватившись за раму картины разорвал крафт, скрывавший полотно. Сквозь открывшуюся прореху на него уставился злобный, непроницаемый взгляд, к картине была приложенная дарственная на Марка. Марк заглядывает в эти жесткие, колючие глаза, и словно загипнотизированный замирает, не двигаясь и даже не моргая. Позади него, по деревянным балкам потолка заструились языки алого пламени, перебрасываясь на тончайшие шелковые занавески и мягкую обивку дубовой мебели. Вскоре огонь заревел, как зверь, пожирая легкодоступную ткань и дерево, а Марк так и стоял на коленях перед картиной плачущего мальчика, не слыша и не видя, во что превращалось пространство его гостиной. Мальчик не отпустит нового папу, он сменил уже двоих родителей за последний месяц, но так и не перетянул ни одного в свой вечный мир теней, а ему так хотелось снова быть рядом с папой, ведь на этот раз он не обидит его и будет любить. Вечно.

Огонь.

Огонь разгорался вокруг.

Тем временем в тишине реанимации и размеренности попискивающих датчиков Питер открыл глаза и заплакал.